Бакинский рабочий
г. Баку
15 ФЕВ 1985

ЭТОТ ДОМ ПО УЛИЦЕ КЕЦХОВЕЛИ...

К 100-летию со дня рождения Узеира Гаджибекова

В этом одноэтажном здании по улице Кецховели, которая некогда называлась Верхне-Приютской, долгие годы жил великий азербайджанский композитор. И хотя было это почти сорок лет назад, в этом доме, ставшем мемориальным музеем, живет его дух, ощущается присутствие. Каждого, кто входит сюда, обступают вещи композитора, здесь бережно сохраняются книги, к которым прикасались его руки, партитуры, над которыми он проводил дни и часто ночи. Все подлинно, достоверно, документально точно. В этих комнатах посетителей не покидает ощущение, что хозяин только что вышел...

Во многом эту атмосферу определил один из организаторов музея, ныне его директор Рамазан Гамзатович Халилов, который долгие годы работал бок о бок с великим композитором, был его личным секретарем.

Р. Г. Халилову и предоставляем мы сегодня слово.

ПАМЯТЬ моя сохранила много интересных эпизодов из жизни Узеира Гаджибекова. Первые мои осознанные впечатления относятся к 1908 году, когда состоялась премьера спектакля «Лейли и Меджнун». Помню (мне тогда было семь лет) огромную толпу народа, множество пролеток и фаэтонов у здания тагиевского театра (ныне помещение музкомедии). Мне запомнились праздничная атмосфера зала, аплодисменты, цветы, поздравления, адресованные автору оперы, исполнителям — певцам, музыкантам. И только позднее я узнал, что появление этой оперы, первого в истории азербайджанской музыки профессионального произведения, вызвало не только восхищение слушателей. Узеиру Гаджибекову угрожали расправой фанатики, которые считали сценическое искусство греховным делом. Да, что и говорить, тетю мою Малейкуханум, тревога за мужа не покидала долгие годы, вплоть до революции. Можно привести и слова самого Узеира: «Царские чиновники всячески препятствовали созданию национального музыкального театра... Духовенство и мракобесы вели бешеную агитацию против театра. Я помню, как один из них произносил на бульваре в Баку речи с призывом разгромить театр Тагиева, где мы изредка давали спектакли. Местные фанатики чуть не учинили зверского погрома...».

Среди самых преданных соратников Узеира Гаджибекова были Муслим Магомаев, Ханафи Терегулов, кстати, профессиональный революционер, член большевистской партии с 1905 года, и Али Терегулов (это два моих родных дяди). Дружба, начавшаяся еще в Горийской семинарии, прошла через всю их жизнь...

В этом доме, где Узеир Гаджибеков поселился в 1915 году, каждый день собирались передовые деятели литературы и искусства. В тесных комнатах проходили репетиции очередных спектаклей, готовились концерты (часто в пользу бедных, неимущих студентов), обсуждались новости художественной жизни, насущные проблемы развития и просвещения трудового народа. За гостеприимным столом Гаджибековых собирались Гусейн Джавид, Абдурагимбек Ахвердов, Гусейн Араблинский, Аббасмирза Шарифзаде, Гурбан Примов, Джаббар Карягды, Гусейнгулу Сарабский, Мирзаага Алиев и многие другие. В этот дом приходили и представители рабочего класса, в том числе его бывшие ученики школы на Биби-Эйбате, в которой он преподавал в 1905—1907 гг.

Наезжали постоянно к нему и земляки — знаменитые шушинские певцы — ханенде, здесь показывали свое искусство казахские ашуги. И вместе с тем дом этот был открыт для Сергея Рахманинова, Александра Спендиарова, Захария Палиашвили, Федора Шаляпина, Виталия Собинова и многих других, приезжавших в Баку композиторов, артистов-гастролеров.

Узеир Гаджибеков слушал, смотрел, впитывал в себя многообразные впечатления и размышлял. Уже тогда у него складывалось довольно ясное представление о путях дальнейшего развития азербайджанской музыкальной культуры.

Не приходится говорить, с каким восторгом Узеир Гаджибеков и его сподвижники встретили революцию. С первых дней установления Советской власти в Азербайджане он руководил отделом искусств в Политуправлении Красной Армии. Некоторое время спустя он стал начальником подотдела музыки, отдела искусств при Наркомпросе, вел огромную работу по развитию музыкального искусства Азербайджана и эстетического воспитания широких масс трудящихся. Трудно даже представить размах этой деятельности: им организовывались спектакли, концерты-митинги, открывались музыкальные курсы, музыкальные школы, создавались новые коллективы — ансамбли, оркестры, хоры.

В доме на Верхне-Приютской вечерами собиралось еще больше народу, еще горячей были споры о том, как формировать новую систему подготовки музыкальных кадров, как строить здание музыкальной культуры Советского Азербайджана. Эти долгие разговоры были отражением дискуссии, которая велась в ту пору. Среди азербайджанской интеллигенции было немало сторонников сохранения национальной музыки в ее первозданном виде. Противники же этой теории, напротив, предлагали, вообще, отбросить всю существовавшую национальную музыку и ввести в обиход европейские произведения искусства.

Узеир Гаджибеков имел свою точку зрения: азербайджанская музыка должна сохранить свою самобытность, но при этом ее дальнейшее развитие было бы невозможно без освоения достижений русского и мирового искусства. Именно такой путь развития азербайджанской музыки был признан тогда единственно верным.

Сама история подтвердила его жизненность и плодотворность. Узеир Гаджибеков создал немало замечательных творений современного искусства, глубоко национальных по форме, социалистических по содержанию. Кантаты, пьесы для оркестра народных инструментов «Джанги», «На полях колхозных», «Марш летчиков», фантазии на темы «Чаргях» и «Шур», песни, романсы и многие другие произведения были созданы, кстати, сказать, в этих стенах, за этим роялем, за этим письменным столом...

Эти стены услышали первые музыкальные фразы — наброски арий и ансамблей оперы «Кероглы». Здесь созревал этот шедевр, — главное дело творческой жизни Узеира Гаджибекова, одно из выдающихся созданий советской оперной классики. На первой декаде азербайджанского искусства, состоявшейся в Москве в 1938 году, с огромным успехом прошла премьера оперы. Отголосок триумфа доносился до этого дома — здесь праздновался успех оперы, здесь поздравляли Узеира Гаджибекова самые близкие люди...

Я помню и день, когда в этот дом вошла весть о войне. Удивительное дело — сюда шли, торопились люди, много разных людей. Они ждали его слова, слова этого бесконечно уважаемого, доброго, жизнелюбивого человека.

«Вся наша жизнь должна быть перестроена на военный лад. Сегодня все мы — бойцы. Каждый на своем посту должен работать, не щадя сил, для победы над врагом», — так говорил Узеир Гаджибеков на одном из митингов в первые дни войны.

Выступая с призывом перестроиться, Узеир Гаджибеков сам резко изменил свой привычный уклад жизни. Всегда отличавшийся собранностью, он стал по-военному точным. Обязанности председателя Союза композиторов, директора Бакинской консерватории, художественного руководителя филармонии требовали от него огромных усилий, и он действительно работал за троих.

«Все для фронта, все для победы!» — этот призыв стал определяющим в его требованиях ко всем творческим организациям. Коренным образом изменил он репертуар коллективов Азербайджанской филармонии. Прослушивал некоторых артистов поздним вечером, даже ночью, у себя дома. Ночью же (дня ему не хватало) работал с поэтами над текстами песен. Одним из первых откликов на военные события была песня Узеира Гаджибекова «Медицинская сестра». Мне хорошо запомнился сам процесс создания этой песни. Вечером композитор рассказал о своем замысле, напел мелодию, ее подхватил Самед Вургун, а к утру был готов и текст песни. Так сочинялось много песен, их с нетерпением ждали на фронте и в тылу.

Из дома Гаджибекова непрерывным потоком шли на фронт посылки с шерстяными носками и перчатками, свитерами и шарфами, а летом со сладостями и печеньями. Это было своеобразным «руководством к действию» для очень многих работников консерватории, филармонии, театров, которые тоже вязали, пекли, отправляли на фронт посылки. Узеир Гаджибеков внес в Фонд обороны 60 тысяч рублей, за что удостоился благодарности Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. Другая благодарность была объявлена коллективу консерватории, собравшему средства на целую танковую колонну...

Каждый день прохожу я по комнатам дома, где двадцать семь лет жил Узеир Гаджибеков. Все здесь красноречиво говорит о великом композиторе и великом человеке...

Р. ХАЛИЛОВ,
директор мемориального дома-музея Узеира Гаджибекова.

Друзья и соратники по искусству Г. САРАБСКИЙ, У. ГАДЖИБЕКОВ, Х. ТЕРЕГУЛОВ, М. МАГОМАЕВ в 1917 году.